

Научная статья

УДК 398.4 + 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-102-114

Фольклорная основа трех позднетанских новелл о вторжении в чужой сон

Аглая Борисовна Старостина

Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

abstarostina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2421-2484>

Аннотация

Статья посвящена предполагаемой фольклорной основе трёх китайских новелл эпохи Тан о вторжении мужа в сон жены: «Записок о трёх снах» Бо Синцзяня, «Студента Чжана» Ли Мэя и «Дугу Сяшу» Сюэ Юйсы. Психологизм, свойственный этим новеллам, маскирует их содержательную близость к фольклорным рассказам о путевой встрече со сверхъестественным или необычайным. Использование китайского и инокультурного сравнительного материала позволяет показать, что эти новеллы обязаны своим появлением вере в ночные пиршества духов и возможности участия в них человека. Все они строятся на сказочной модели спасения брачного партнера: прекращая сон жены, герой тем самым избавляет ее от наваждения. В ту же группу следует включить еще около десятка китайских нарративов VIII–X вв., в центре которых находится участие женщины в празднествах духов. Своим возникновением подобные сюжеты, не имеющие близких аналогов в предшествующей и последующей китайской традиции, наиболее вероятно, обязаны влиянию фольклора и верований иранских народов.

Ключевые слова

китайский фольклор, фольклор Центральной Азии, танская новелла, миграция сюжетов

Для цитирования

Старостина А. Б. Фольклорная основа трех позднетанских новелл о вторжении в чужой сон // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 102–114. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-102-114

Folklore Basis of Three Late Tang Period Stories about the Intrusion into Another's Dream

Aglaia B. Starostina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

abstarostina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2421-2484>

Abstract

The article aims to explore alleged folklore basis of three Chinese *chuanqi* tales about a husband's intrusion into his wife's dream written during the middle-late Tang period, namely, the first episode of “A Record of Three Dreams” by Bai Xingjian, “Student Zhang” by Li Mei, and “Dugu Xiashu” by Xue Yusi. The psychologism inherent in these stories masks their closeness to folklore and literature tales about supernatural or uncommon road encounters. The use of Chinese and foreign comparative material allows us to show that these stories originate in belief in the night feasts of spirits and in the possibility of humans participating in those feasts. Two of the three tales, “Student Zhang” and

© Старостина А. Б., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 102–114

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 102–114

“Dugu Xiashu”, also contain the international motif of a musician engaged to entertain spirits or devils during their night revels. All three *chuanqi* are based on a fairy-tale concept of rescuing a spouse: by interrupting his wife’s sleep, the hero thus saves her from spirit possession that could end badly for her. It is possible to conclude that the international tale type of the three tales about a husband’s intrusion into his wife’s dream come, in some respects, closest to its “The Danced-out Shoes”. About a dozen Chinese narratives of the 8th – 10th centuries in the centre of which is the participation of a woman in the night feasts of spirits including even Daoist immortals, which should be assigned to the same group. Such plots, which have no close analogues in previous and subsequent Chinese tradition, most likely owe their appearance to the influence of folklore and beliefs of the Iranian peoples.

Keywords

Chinese folklore, folklore of Central Asia, Tang era *chuanqi*, plot migration

For citation

Starostina A. B. Folklore Basis of Three Late Tang Period Stories About the Intrusion into Another’s Dream. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 4: Oriental Studies, pp. 102–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-102-114

Введение

Сюжетная проза эпохи Тан (VII – начало X в.) сосредоточена на столкновении обыденного с необычайным. Это отражено в названиях многочисленных танских рассказов и новелл: они трактуют «удивительное», «чудесное», понимаемое очень широко. К необычайному относятся не только сферы, где обитают мифологические персонажи, но и миры куртизанок, разбойников, странствующих храбрецов и редкие по яркости проявления чувств. Кроме того, проза этого времени тесно связана с фольклором, в первую очередь с мифологическим рассказом и сказкой. Наряду с произведениями, где роль авторской фантазии очень заметна, существуют и записи устных рассказов, подвергшихся минимальной литературной обработке. Даже красочные авторские новеллы, полные аллюзий или сатирически заостренные, нередко заимствуют канву и образы из демонологических или агиографических повествований. Поэтому исследование танской сюжетной прозы может быть полным только при учете фольклорной составляющей.

Фольклорному мифологическому рассказу и сказке наследуют в том числе десятки рассказов и новелл, где встреча с необычайным происходит в пути – пространстве не своем и не чужом, переходном. Придорожные объекты – рощи, станции, поля, пустыри, заброшенные и жилые строения – оказываются порталами в другой мир. На горной дороге торговцам попадаются сидящие на деревьях одноногие демоны, которые вымогают деньги и косметику¹; в придорожной гостинице беглецы знакомятся с убийцей и авантюристом – своим будущим благодетелем²; студент замечает у обочины дочь Царя драконов³.

В трех новеллах VIII – начала IX в., написанных на один и тот же сюжет, герой, возвращаясь после отлучки, встречается за городом в придорожном храме или на пустоши странных людей, пирующих в ночи, и среди них – свою жену. Пораженный и задетый, он бросает в собравшихся кусок черепицы или кирпич, и всё исчезает. На следующий день, вернувшись домой, он узнает, что виденное им наяву совпадает со сном его жены. Эти новеллы – «Записки о трех снах» (三夢記 *Сань мэн цзи*) Бо Синцзяня 白行簡⁴, «Дугу Сяшу» (獨孤遐叔) Сюэ Юйсы 薛漁思 и «Студент Чжан» (張生 *Чжан шэн*) Ли Мэя 李玫. Две последние сохранились в составе ТПГЦ и включены в раздел «Сны», соответственно в 281 и 282 цзюани [Ли Фан,

¹ Рассказ «Полосатики» (斑子 «Бань-цзы») из «Обширных записок о странном» (廣異記 «Гуан и цзи»), по 428 цзюаню свода «Обширные записки годов Тайпин» (太平廣記 *Тайпин гуан цзи*, 977–978 гг.), далее ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 3480–3481].

² Новелла неизвестного автора «Чужеземец с курчавой бородой» (虬髯客 «Цю жань кэ»), по 193 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 1445–1448].

³ Новелла Ли Чаовэя (李朝威) «Лю И» (柳毅), по 419 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 3410–3417].

⁴ [Бо Синцзянь, 2007, с. 358–363].

2006, с. 2244–2245, 2250–2251]. На русском языке из них, насколько нам известно, была издана только одна – «Записки...» в переводе О. Л. Фишман⁵.

Использование разными авторами одного сюжета – частое явление в традиции китайской раннесредневековой прозы. Поскольку многие литераторы собирали устные истории, которые затем превращали в компактные тексты на классическом письменном языке, неудивительно, что среди них иногда встречались родственные. Это, в частности, демонстрирует С. М. Аллен на примере нескольких групп («кластеров») танских нарративов [Allen, 2014, p. 55–123]. Бывали и пародии или метафорические пересказы чужих историй; но в рассматриваемых трех новеллах таких признаков нет. Мы исходим из наиболее вероятного предположения о независимой записи и обработке разных вариантов сюжета в схожей среде.

Эти три новеллы обычно трактуют как истории о необычных снах. При этом И. В. Ма (Y. W. Ma, Ма Ююань 馬幼垣) обратил внимание на то, что в них нарушена приватность сновидения: персонажи и обстановка сна одного человека оказываются доступны другому, бодрствующему. А это непонятно с точки зрения предшествующей традиции и не находит параллели в богатой китайской литературе о снах [Ma, 1980, p. 173].

Но, если рассматривать эти новеллы как «путевые» нарративы, неясность снимается. Придорожный храм или пустырь – типичное место встречи с представителями иного мира. Жена, которую видит герой, – это, очевидно, странствующая во время сна душа (см. [Цзи Сяньлинь, 1996, с. 448; Хуан Дунъян, 2007, с. 12–13; Ли Пэнфэй, 2004, с. 305–307]). Значит, технически нарушения приватности сна не происходит. Муж наблюдает взаимодействие души своей жены с духами в потустороннем мире наяву, – только в воспоминаниях проснувшейся женщины события интерпретируются как сон.

В китайской раннесредневековой прозе ночные пиры духов – редкий мотив, его удается обнаружить примерно в десятке включенных в ТПГЦ рассказов и новелл, и только начиная с VIII в. Фантастические темы и мотивы, которые повторяются в нескольких произведениях и не укладываются в принятую в данное время в данной культуре картину мира, указывают на переосмысление литераторами фольклорных представлений, пришедших извне.

Настоящая статья призвана показать, что привлечение сравнительного материала позволяет, во-первых, восстановить внутреннюю логику устных сообщений, переработанных в новеллы о попадании мужа в сон жены, и, во-вторых, сделать информированные предположения о верованиях, которые лежали в основе этих сообщений.

Содержание новелл о вмешательстве в чужой сон

В «Записках...» интересующий нас сюжет не единственный, новелла состоит из трех эпизодов, иллюстрирующих разновидности чудесных снов (сон, во время которого спящий направляется в некоторое место, а другой его там встречает; сон о действиях, которые в реальности совершает в это время другой; встреча двух людей в одинаковом для обоих сне). Для нас релевантен только первый из них. Ниже приведено короткое изложение первого микросюжета «Записок...», «Студента Чжана» и «Дугу Сяшу» (в хронологическом порядке).

«Записки о трех снах» (первый эпизод)

Герой – историческое лицо, государственный деятель по имени Лю Юцю (劉幽求, 655–715). Он служит помощником уездного начальника в Чаои. Возвращаясь из командировки ночью, в нескольких километрах от дома он обнаруживает буддийский храм. Услышав пение и смех, он ложится на землю и подсматривает за гуляками через щель в стене. Он видит десять с лишним человек, сидящих вперемешку мужчин и женщин⁶. Они пируют, и с ними

⁵ [Бо Синцзянь, 1960, с. 146–149].

⁶ В переводе О. Л. Фишман речь идет не о смешанной, а о женской компании, что существенно меняет акценты; но выражение 兒女雜坐 (*эр нюй цза цзо*) недвусмысленно указывает на то, что мужчины и женщины сидели вперемешку.

беседует и смеется его жена. Лю хочет вмешаться в ситуацию, но двери в храм заперты; он бросает в зал черепицу, и она попадает в сосуд для умывания рук. Всё исчезает. Лю перелезает через стену и со слугами осматривает залы, ничего не находя. Удивленный, он возвращается домой. Разбуженная жена с улыбкой рассказывает ему, что во сне отправилась с незнакомцами в загородный храм. Когда сели за еду, кто-то бросил в зал черепицу, посуда разлетелась, и она проснулась. Лю тоже сообщает о виденной им сцене.

«Студент Чжан»

Герой – бедный ученый по фамилии Чжан. Он живет в пригороде уездного города Чжунму. После пятилетней отлучки он возвращается домой с севера верхом на осле. Вечером он выходит из ворот Чжэнчжоу (до дома ему остается 20 или 30 километров). Вдруг на пустоши он видит свет от ламп: пять-шесть человек устроились пировать. Чжан спешивается и подходит ближе. На расстоянии примерно десяти шагов он замечает среди пирующих свою жену. Чжан прячется в тополях и видит, как люди в цветных одеждах, среди них два иноземца, один в черном, другой в фиолетовом, заставляют его жену петь для них и поят ее вином. Она плачет и сочиняет на ходу печальные строчки о разлуке с мужем. В последней из строф она говорит, что ей кажется, будто пустошь с тополями – это только сон, и получает стихотворный ответ, смысл которого сводится к тому, что жизнь человеческая в принципе подобна сну. Услышав, как иранец в фиолетовом велит его жене спеть что-нибудь про любовь, Чжан в гневе поднимает с земли черепицу и бросает, угодив в голову «варвара». Следующей черепицей он попадает жене в лоб. Всё исчезает. Думая, что жена умерла⁷, Чжан возвращается, рыдая, и к рассвету добирается до дома. Служанка говорит, что у его жены с ночи болит голова. Чжан приходит к жене в комнату и узнает, что ей снились незнакомые люди на пустоши. Они заставляли ее пить вино и петь; откуда-то вылетела черепица, один кусок попал ей в лоб, и она проснулась с головной болью. Чжан понимает, что видел сон своей жены.

«Дугу Сяшу»

Герой – студент по имени Дугу Сяшу, проваливший экзамены на чиновничью должность «из-за бедности». Он живет в столичном квартале Чунсяньли. Дугу возвращается домой после двухлетней отлучки, хотя обещал молодой жене, что его не будет всего год. Он надеется к ночи быть дома, но вечер застигает его примерно в трех километрах от города. У дороги стоит буддийский храм, и Дугу Сяшу решает заночевать там. Он не может уснуть в раздумьях о доме, когда к храму приближается группа людей. Входят люди с метлами, убирают мусор, а затем накрывают на стол. Пировать садятся десять с лишним человек, женщины и мужчины. Дугу наблюдает за ними, спрятавшись на балке. Начинается пир. Одна из женщин, похожая на жену Дугу, сидит в стороне. Он спускается, присматривается и действительно узнает жену. Ее заставляют петь, она поет грустную песню о том, что ее любимый далеко. Присутствующие женщины плачут. Один из пирующих замечает: «Любимый недалеко, а вы говорите так, будто бы он на краю света». Юноши хохочут. Дугу в бешенстве подбирает кирпич и бросает в собравшихся. Всё исчезает. Думая, что жена умерла, печальный Дугу спешит домой. Боясь услышать худшее, он посылает вперед себя слугу, но оказывается, что дома всё в порядке. Служанка говорит, что хозяйке приснился дурной сон. Когда Дугу входит в комнату, жена еще лежит в постели. Опомнившись, она рассказывает, как во сне вышла погулять с родственницами за городские ворота. У какого-то храма на них напали несколько десятков хулиганов, которые угрозами заставили их сесть с ними за ужин и пить вино. Она пересказывает разговоры, которые запомнила во сне: всё совпадает с тем, что видел и слышал Дугу. По словам жены, она проснулась, когда кто-то бросил в собравшихся кирпич.

Первый эпизод «Записок о трех снах» заметно отличается от «Студента Чжана» и «Дугу Сяшу». Во-первых, «Записки о трех снах» близки к эссе, три эпизода-фабулата изложены

⁷ Как и в следующей новелле, опасение героя основано на поверье, согласно которому отделяемая душа являлась близким после или в момент смерти.

скупо, в них остается только костяк, призванный иллюстрировать три разновидности удивительных снов (о композиции новеллы см. [Алимов, 2017, с. 136–137]). Во-вторых, жена Лю Юцю видит не такой сон, как жёны героев двух других новелл. Она отправляется в монастырь и пирует там в смешанной компании, но это не кошмар, а забавное происшествие, и она рассказывает о нем с улыбкой. Жёны Чжана и Дугу Сяшу не согласны с происходящим, их тяготит и общее неприличие обстоятельств, и то, что с ними обращаются как с певичками, приглашенными для украшения пиршества. Если жене Лю Юцю снится, что она веселится среди равных, то жёны Чжана и Дугу Сяшу похищены и находятся на положении служанок.

Налицо два варианта сюжета: в одном жена героя участвует в пиршестве без принуждения, во втором – напротив, к тому же она вынуждена развлекать присутствующих пением.

Различие в содержании снов психологически оправдано положением, в котором находятся героини. Жена Лю Юцю изначально менее уязвима, чем женщины в двух других новеллах. Семья богата, муж служит давно, уезжает, видимо, ненадолго. Бедность и неопределенность – в отличие от скуки – ей незнакомы. Но в «Студенте Чжане» и «Дугу Сяшу» сохраняется опасность, что муж не вернется или не пришлет денег вовремя, – и тогда жена действительно может стать наемной артисткой, против воли развлекающей незнакомых мужчин на пиру. Сны с таким содержанием могли привидеться и мужьям – Лю Юцю, скорее всего, более беспокоился о том, верна ли ему жена и не скучает ли, двое других – еще и о ее безопасности. Этот смысловой слой при всей своей понятности и привлекательности маскирует и рационализирует фольклорное ядро.

Чтобы выявить это ядро, рассмотрим параллели к этим двум ситуациям, которые находят среди танских историй о ночных пиршествах сверхъестественных существ.

Пирующие женщины

В танской прозе удалось найти еще только два рассказа, в которых женщина пирует вместе с духами без явного принуждения. В сборник «Гуан и цзи» (вторая половина VIII в.) включен рассказ «Жена секретаря налогового ведомства» (戶部令史妻 戶部令史妻 戶部令史妻 戶部令史妻)⁸ о женщине, одержимой оборотнем серого журавля. Муж узнает об этом случайно. Он жалуется соседу-иноземцу на то, что его конь худеет и выглядит уставшим: сосед сообщает ему, что конь устает, поскольку вынужден по ночам проделывать путь в сотни верст. Ночью чиновник прячется и видит, как жена, придевшись, садится на коня, ее служанка – на метлу, и обе исчезают из вида. На следующую ночь по совету того же соседа он еще раз подсматривает за женой. Жена чувствует «запах живого человека» (生人氣 生人氣), поджигает метлу и, пользуясь ей как факелом, тщетно пытается найти чужака. Затем она снова садится на коня, а служанке, оставшейся без метлы, в качестве средства передвижения достается большой кувшин, где как раз и спрятался чиновник. Так он оказывается на празднике, куда еженощно летает его жена. В горном лесу разбит шатер, в нем за столом сидит несколько пар. Они пьют вино и обнимаются. Пир заканчивается, и служанка обнаруживает присутствие постороннего. Чиновника stalkивают с горы, он вынужден идти домой пешком. После этого иноземец снова советует ему подстеречь жену и объясняет, что теперь оборотня можно будет поймать. Чиновник удерживает жену, не давая ей улететь, и тогда на землю падает серый журавль. Журавля сжигают, наваждение прекращается.

Второй рассказ, из сборника «Собрание записок о странном» (集異記 Цзи и цзи, первая половина IX в.), называется «Сюй Ань» (徐安)⁹. Во время отлучки героя к его жене-красавице является видный молодой человек, и они становятся любовниками. Вернувшись, муж замечает холодность жены. Вечером она наряжается и во вторую стражу исчезает из дома, а возвращается на рассвете. Муж подстерегает ее на следующий вечер и видит, что она,

⁸ По 460 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 3765–3766].

⁹ По 450 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 3679–3680].

сев в старую корзинку, улетает в окно. На третий вечер, заперев жену в другой комнате, он надевает женское платье и садится в корзинку. Во вторую стражу корзинка вылетает в окно. Она приносит героя в горы, к месту, где стоит шатер. В шатре накрыт стол, за ним сидят трое. Герой убивает всех спрятанным в рукаве мечом и садится в корзинку, но она не летит. Чтобы идти домой пешком, он дожидается рассвета и обнаруживает, что убитые – лисы.

В обоих случаях женщины, несмотря на видимый энтузиазм, в действительности околдованы; в обоих случаях они совершают свои путешествия физически, отделения души не происходит.

Телесные полеты по воздуху на ночные празднества – случай для танской прозы еще более исключительный, чем проникновение в чужой сон. Японские исследователи Савада Мидзухо (澤田瑞穂) и Токура Хидэми (戸倉英美) предположили для «Жены секретаря» инокультурное происхождение. О нем свидетельствуют и роль варвара в сюжете, и отсутствие подобных рассказов в предшествующей и последующей литературной и фольклорной традиции, и наличие их в позднейших европейских повествованиях о ведьмах. Токура Хидэми при этом отмечает, что заимствованный сюжет был объединен с характерной для китайской демонологии верой в птичьи и звериные наваждения (по: [Окада Мицухиро, 2019]¹⁰). Та же гипотеза независимо была выдвинута в [Старостина, 2021]. Эти наблюдения дополняет незамеченная ранее история о жене Сюй Аня: другой вариант того же сюжета, «китаизированный» в несколько большей степени: оборотень серого журавля не встречается более нигде, а лисы-оборотни в этот период занимают в китайской демонологии видное место.

В конце XIX в. была записана тайская сказка о женщине, одержимой духами, на близкий сюжет. Молодой муж, проснувшись ночью, обнаруживает безголовое тело жены. Утром голова (вместе с внутренностями) возвращается. На следующую ночь муж вынуждает жену объясниться. Она говорит, что унаследовала одержимость от матери и еженощно улетает в прекрасное место на пир. По приглашению жены муж хватает ее за голову и переносится с ней в сад, полный людей в праздничных одеждах. Он мечтает остаться там навсегда и обращается за советом к волшебнику, но тот объясняет ему, что на этих пирах едят нечистоты и плоть мертвецов. Он наносит на его тело какие-то знаки, и, оказавшись на пиру в очередной раз, герой видит истинный облик яств. Жена не может отказаться от полетов, опасаясь, что духи задушат ее. По совету того же волшебника муж ночью наполняет ее безголовое тело свежей рыбой. Оправившись после этой операции, женщина освобождается от наваждения [Hardouin, 1890, p. 697–708]. Здесь имеет место промежуточный вариант путешествия к месту пиршества – улетает не тело и не душа, а голова.

Представления о том, что колдуньи или одержимые отпускают голову летать по ночам, характерны не для одной культуры в ЮВА. В Восточной Индонезии известны духи, симптом одержимости которыми – ночные полеты головы с прикрепленными внутренностями. Такие головы преследуют врагов одержимого и съедают их печень [Bubandt, 2008, p. 278]. По указателю Ю. Е. Березкина (мотив L8 – «Оставленные ноги и головы») видно, что идентичное верование зафиксировано в Индокитае, а схожие – на Филиппинах, в Японии и т. д.; у юньнаньских лису есть сказка, где муж обнаруживает, что голова его жены по ночам улетает пожирать мертвецов¹¹. В китайских «Записках о поисках духов» (搜神記 *Соу шэнь цзи*, IV в.) отражены схожие верования каких-то тайских или австронезийских народов: там описана служанка из «народа Падающие головы», у которой голова улетала в окно по ночам (XII.7)¹². Голова в этих случаях действует как вместилище души, таким образом, летающая голова соответствует отделяемой душе, принимающей облик человека в его телесной целостности.

¹⁰ В электронном издании не проставлены номера страниц; ссылки на работы Савада Мидзухо и Токура Хидэми находятся во втором разделе третьей главы.

¹¹ URL <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/l8.html> (дата обращения 24.12.2022).

¹² См. перевод Л. Н. Меньшикова [Гань Бао, 1994, с. 298–299].

Музицирующие женщины

В разных традициях встречаются упоминания о пристрастии духов к человеческой музыке и стихам: так миннезингер Тангейзер попал в недра Венераиной горы, а гуслир Садко – к морскому царю. Для Китая это довольно редкий мотив. Первое упоминание о похищении музыканта духом в Китае относится к V в. и содержится в «Записях о тьме и свете» (幽明錄 *Ю мин лу*). Музыкант заболевает от переутомления; чудотворец Сюй Сюнь (許遜) говорит, что видит его среди скал играющим на цитре призрак – девице Цзян (蔣). На это музыкант отвечает: «Я часто вижу во сне деву, которая принуждает меня пировать и веселиться с ней». Сюй Сюнь, специализирующийся на изгнании духов, читает по девице Цзян поминальную молитву, и музыкант излечивается¹³. И здесь контакт с духом происходит во сне.

Музицирующая женщина на пиру у духов впервые появляется в китайской сюжетной прозе во второй половине VIII в., в том же сборнике «Гуан и цзи», что и упомянутая выше «Жена секретаря». Эта история озаглавлена «Два господина – Чжан и Ли» (張李二公 *Чжан Ли эр гун*)¹⁴. Приятели Чжан и Ли предаются постижению Дао на горе Тайшань. Ли, принадлежащий к знатному роду, уходит в мир, чтобы сделать карьеру. Через пару десятков лет он, высокопоставленный чиновник, вечером встречает на дороге бедно одетого Чжана, который приглашает его в гости. Оказывается, что он живет в богатой усадьбе. После ужина их развлекают музыкантши. Среди них Ли узнает свою жену, но Чжан говорит, что он ошибся. Ли успевает привязать к ее поясу яблоко. Спросив, сколько денег Ли нужно для осуществления его планов, Чжан дает ему старую шляпу, по предъявлении которой некий аптекарь должен отдать ему эту сумму. На следующий день Ли обнаруживает, что вчерашняя усадьба стоит в запустении, соседи говорят, что там давно никто не живет. Придя в указанную аптеку, он получает деньги. Дома Ли обнаруживает, что к поясу жены привязано яблоко. Она рассказывает ему свой сон: за ней пришли, велели взять цитру и сыграть для бессмертного Чжана.

Это первая история в «кластере», состоящем из пяти сюжетно близких новелл; их сходство со «Студентом Чжаном» и «Дугу Сяшу» уже отметила С. М. Аллен [Allen, 2014, p. 63]. В этих пяти новеллах, однако, у читателя не возникает сомнения в том, что сцена пиршества происходит наяву, несмотря на то, что женщина может воспринимать ее как сон.

Следующая по времени новелла из этого «кластера», «Пэй Чэнь» (裴諶)¹⁵, была включена в один из сборников, созданных в первой половине IX в., – или в «Записи о сокровенных чудесах» (玄怪錄 *Сюань гуай лу*), или в «Продолжение записей о сокровенных чудесах» (續玄怪錄 *Сюй сюань гуай лу*). Немного позже, в середине IX в., появилась новелла «Два студента, Лу и Ли» (盧李二生 *Лу Ли лян шэн*) из сборника «Приватная история» (逸史 *И ши*)¹⁶. Два последних рассказа – «Управитель судеб» (司命君 *Сымин цзюнь*)¹⁷ и «Сюэ Чжао» (薛肇)¹⁸ попали в ТПГЦ из сборника «Потерянные и найденные биографии бессмертных» (仙傳拾遺 *Сянь чжуань ши и*), составленного в конце IX – начале X в.

Во всех случаях, кроме «Управителя судеб», во время пира у даоса жена героя – нынешняя или будущая – должна играть на цитре или арфе (в «Управителе судеб» ее просто усаживают рядом с мужем). Женщине сцена пира снится – за исключением «Пэй Чэня», где и сама она воспринимает события как реальные, и родственники упрекают героя в том, что он «колдовским искусством перенес ее за десять тысяч верст и заставил услаждать слух и зрение

¹³ По 577 цз. свода «Императорское обозрение годов Тайпин» (太平御覽 *Тайпин юй лань*, 970-е – 980-е). URL: <https://ctext.org/taiping-yulan/577> (дата обращения 22.01.2023).

¹⁴ По 23 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 158].

¹⁵ По 17 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 116–118].

¹⁶ По 17 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 118–119].

¹⁷ По 27 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 178–179].

¹⁸ По 17 цз. ТПГЦ [Ли Фан, 2006, с. 120–121].

чужих людей» [Ли Фан, 2006, с. 118] (третий, после «Жены секретаря» и «Сюй Аня», случай телесного путешествия женщины на праздник духов).

Место, где происходит пир в этой группе, – не горные пещеры, ожидаемые в историях о бессмертных, но пустошь недалеко от города, где появляются богатые строения, которые затем исчезают (в «Двух господах – Чжане и Ли» здания остаются на месте, но выглядят давно заброшенными). Встреча старых товарищей каждый раз происходит в дороге, в том числе один раз на мосту, один – на реке (даос плывет в рыбацком челноке), один – на почтовой станции.

В этом «кластере» мы имеем дело с пирами сверхъестественных существ, на которых пьют вино и слушают музыку, причем среди присутствующих – и мужчины, и женщины. В числе музыкантов, которые развлекают присутствующих, есть похищенные женщины, которые почти всегда воспринимают происходящее как сон. Всё это соответствует антуражу снов в новеллах «Студент Чжан» и «Дугу Сяшу». Ситуация, впрочем, инвертирована, и муж не подглядывает за пиршеством, а присутствует на нем в качестве званого гостя.

К этой группе близка сказка, разные варианты которой известны на севере Индии и в Пакистане. Девушка выходит замуж, предупредив, что по ночам будет возвращаться в родительский дом. Муж невидимо следует за ней ночью. Вернувшись к родителям, она проходит в свою комнату, садится на стул и улетает во дворец божества. Муж сопровождает ее и видит, что она всю ночь танцует, поет и / или играет на арфе. Он находит тот или иной способ расколдовать жену. Сказку относят к типу 306 по указателю Аарне – Томпсона – Утера («Стоптаные туфельки» / «Ночные пляски»). В одних версиях речь идет о человеческой девушке, в других – о небесной плясунье, оказавшейся среди людей [Lang, 1965, p. 87–90; McCulloch, 1912, p. 283–304].

Отличие новелл о двух товарищах и от этой сказки, и от «Дугу Сяшу» и «Студента Чжана» заключается в том, что женщину не нужно избавлять от заклятия: бессмертный отпускает ее домой по доброй воле. Это объясняется даосской переделкой сказочного сюжета для нужд религиозной проповеди: цель похищения женщины «бессмертным» – не развлечение, а демонстрация могущества духов. Характерно, что два из пяти рассказов этого кластера входили в агиографический сборник «Потерянные и найденные биографии бессмертных».

Значение финала

Первая часть «Записок о трех снах» содержательно отличается от «Студента Чжана» и «Дугу Сяшу». Для обоих вариантов сюжета находят параллели и в танской прозе, и в фольклоре сопредельных стран, причем для инокультурных сюжетов не принципиально, во сне происходит путешествие к ночному празднику или наяву. Китайская же литература с ее богатой традицией описания странствий отделяемой души относится настороженно к физическим странствиям обычных людей по воздуху и в большинстве рассмотренных случаев трактует видения ночных пиров как сон. Отсюда и кажущийся конфликт реальности и сна.

Развязка рассмотренных сюжетов об участии женщин в ночных пиршествах духов / оборотней / бессмертных, кроме «кластера», посвященной встрече двух товарищей, заключается в действии мужа, прекращающем волшебство. В «Записках...», «Студенте Чжане» и «Дугу Сяшу» муж бросает в собравшихся черепицу или кирпич, в «Жене секретаря» ловит оборотня, в «Сюй Ане» убивает оборотней. Тайская и пакистанская / индийская сказки тоже завершаются расколдованием жены. Во всех этих случаях мы имеем дело с модификациями сказочного сюжета о спасении жены.

В этом контексте ясно, что действие мужа в «Записках...», «Студенте Чжане» и «Дугу Сяшу», которое может показаться грубым или избыточным, фактически было спасительным для зачарованной.

Пирующие духи: сравнительный материал

Во всех трех новеллах муж спасает жену. Но от кого? Переосмысление сюжета и превращение его в описание сна, лишённого каких-либо оснований, кроме психологических, оставляет и статус пирующих духов неопределённым. На это уже не раз обращали внимание. Первым, возможно, был Фэн Мэнлун (馮夢龍, 1574–1646) в своем обогащенном подробностями пересказе «Дугу Сяшу», включенном в сборник «Слово вечное, мир пробуждающее» (醒世恆言 *Син ши хэн янь*) [Фэн Мэнлун, 1993, с. 419–438]. В этой повести героиня замечает: «Оказывается, мой сон был правдивым. Вот что только непонятно – кто эти молодые бездельники?» [Там же, с. 435.]. Похожий вопрос возник и у Пу Сунлина (蒲松齡, 1640–1715), который писал «Фэнъянского ученого» (鳳陽士人 *Фэнъян шижэнь*) с оглядкой на наши три новеллы [Чжу Исюань, 2002, с. 49–53]; там ситуация перевернута, и беспомощную ревность испытывает жена, вынужденная наблюдать за мужем. Героиня с помощью неизвестной красавицы попадает в сон своего мужа, уехавшего по служебным делам, и видит, как эта красавица его соблазняет; тут же оказывается брат героини, который швыряет в голову ее мужа большой камень. Утром возвращается муж, который видел тот же сон; и шурина ожидаемо снилось то же самое [Пу Сунлин, 2011, с. 187–190]. Функциональный аналог «молодых бездельников» – загадочная девица, провоцирующая конфликт. Новелла заканчивается словами, отсылающими к реплике Фэн Мэнлуна: «Три сна совпали; но вот что только непонятно – кто была эта красавица?»

Что можно узнать о пирующих фантомах из самих новелл? В «Записках...» коротко упомянута группа мужчин и женщин, пьющих вино и смеющихся. В «Студенте Чжане» пять или шесть мужчин, одетых в платье разного цвета, разного возраста, двое из них иранцы, поят женщину вином, заставляют ее петь, читают стихи и смеются. В «Дугу Сяшу» несколько гуляк похитили жену Дугу и ее подруг. Персонажи сна настроены на веселье и при этом нуждаются в дополнительном развлечении. При этом «фантомы» пронизательны; в «Дугу Сяшу» они знают, что за ними наблюдает муж героини; в «Студенте Чжане» демонстрируют понимание того, что и сами сняты своей жертве, – по крайней мере, на это намекает философское замечание молодого человека о том, что вся жизнь есть сон. Вся ситуация, вполне возможно, и режиссирована этими персонажами.

Подобные ночные праздники / пиры не вписывались в локальные представления о привычках демонических существ. Поверья о ночных пирах были привнесены в культуру танского Китая извне. Об этом свидетельствует и то, что их описания в китайской прозе появляются поздно, причем статус пирующих варьирует от оборотней до бессмертных, а в случае наших трех новелл, как и в «Жене секретаря», он остается неясным.

Отметим большую концентрацию упоминаний о западных иноземцах в танских историях о ночных праздниках. В «Студенте Чжане» среди пирующих есть два уроженца Центральной Азии или иранца (胡人 *ху жэнь*). В «Жене секретаря» такой же *ху жэнь* помогает герою избавить жену от наваждения. В новелле «Два студента, Лу и Ли» после пира бессмертный рекомендует бывшему товарищу зайти в лавку к некоему персу (波斯 *босы*). В «Управителе судеб» домой к вернувшемуся от даоса герою приходит иноземный купец (胡商 *ху шан*) в поисках чудесной драгоценности.

Упоминания о *ху жэнь* и *босы* в рассматриваемых текстах заставляют обратить внимание в первую очередь на верования иранцев и народов, имевших с ними тесные культурные связи. Действительно, многим из них известны ночные пиршества духов, куда попадают и люди, – в том числе таджикам, армянам, ногайцам, жителям Пакистана, Северной Индии и тайцам.

Равнинные таджики верили, что демоны аджина могут пригласить путника ночью на свою трапезу [Сухарева, 1975, с. 38]. Армянские каджи, чей образ связан с мифами о Ваагне – божестве, близком громовержцу Индре, – и сами пируют и музицируют ночами, и нанимают

человеческих музыкантов [Петросян, 2018; Abeghyan, 1899, S. 103]. Пфуты, о которых рассказывают в Гилгите, принимают на свои пиры случайно забредших путников и могут научить своим мелодиям [Flowerday, 2021, p. 104–107].

В одной ногайской быличке герой встречает свою возлюбленную на ночном празднике у йинов, в другой – находится на таком же празднике, невидимый для них, и нечаянно прерывает пир, ущипнув одну из призрачных девушек [Рахно, 2016, с. 379–380].

Как бы ни называли этих духов, их чаще всего отличают антропоморфность, гостеприимство и музыкальность; они встречаются прохожим в безлюдных местах и могут похищать людей, в том числе женщин. Контакты с ними оцениваются как нежелательные, хотя степень опасности их варьируется. Иногда единственная неприятность, которая ожидает гостя, – это открытие, что его кормили конским навозом. В индийской / пакистанской сказке статус духов выше: это небесное божество и его спутники. Тем не менее, они выступают как вредители, препятствуя брачной и вообще нормальной обыденной жизни героини. Несомненно их сходство с духами в рассмотренных выше китайских рассказах и новеллах.

Заключение

Если взглянуть на новеллы «Студент Чжан», «Дугу Сяшу» и на первый эпизод «Записок о трех снах» как на трансформированные повествования о дорожной встрече с духами, нельзя не заключить, что их фольклорная основа – во-первых, сообщения о посещении человеком ночных пиршеств духов, а во-вторых, рассказы о спасении брачного партнера от сверхъестественных антагонистов.

Привлечение других танских авторских нарративов о посещении людьми ночных пиршеств духов позволяет прийти к выводу о том, что в VIII–IX вв. в Китае на основе иранских и/или центральноазиатских верований сформировалась группа сюжетов о женщинах, вынужденных посещать ночные пиры духов как полноценные участницы или как музыкантши. Свидетелем их путешествий оказывался муж, который в большинстве случаев выступал как спаситель.

При всем сходстве канвы эти сюжеты не восходят к одному источнику. Выделяются истории: а) о дорожной встрече мужа-путешественника с грезящей женой в плену у духов; б) о путешествии женщины верхом на коне или предмете домашней утвари на отдаленную гору, близкие к позднему европейскому сюжету о подсматривании за ведьмой и полете на шабаш; в) о встрече мужа, приглашенного к духам в гости, с зачарованной женой.

Представления о сверхъестественных существах, имеющих обыкновение пировать ночами и похищать людей для участия в этих пирах, вписывали в китайскую традицию по-разному. В группе религиозных даосских историй пирующие духи не только переставали быть вредителями, но и оказывались помощниками. В «Жене секретаря» и «Сюй Ане» злключения жены героя объяснялись действиями животных-оборотней. В «Студенте Чжане», «Дугу Сяшу» и «Записках о трех снах» зафиксированы сюжеты, где адаптация произошла с помощью отнятия у пирующих духов онтологического статуса и интерпретации событий как чудесного сна.

Список литературы

- Алимов И. А.** Записи о сокровенных чудесах. Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 840 с.
- Бо Синцзянь.** Три сна // Танские новеллы. М.: Гослитиздат, 1960. С. 146–149.
- Гань Бао.** Записки о поисках духов / Пер., предисл. и примеч. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. 576 с.
- Петросян А. Е.** Армянские духи каджи: образ и название // Вопросы ономастики. 2018. № 15 (1). С. 51–64. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.003

- Рахно К. Ю.** Дух йин в ногайской демонологии и его параллели // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. Черкесск: КЧГУ, 2016. С. 378–384.
- Старостина А. Б.** Ночные полеты жены секретаря: группа мотивов G240 в «Обширных записках о странном» Дай Фу // Живая старина. 2021. № 1 (109). С. 9–12.
- Сухарева О. А.** Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 5–93.
- Abeghyan M. Kh.** Der armenische Volksglaube. Leipzig: Druck von W. Drugulin, 1899. 138 S.
- Allen S. M.** Shifting Stories: History, Gossip, and Lore in Narratives from Tang Dynasty China. Cambridge, MA; London, Harvard University Asia Centre, 2014. 311 p.
- Bubandt N.** Ghosts with Trauma: Global Imaginaries and the Politics of Post-Conflict Memory // Conflict, Violence, and Displacement in Indonesia. Ithaca: Cornell Uni. Press, 2008. P. 275–301. DOI 10.7591/9781501719233-012
- Flowerday J. M.** Blasting a Boulder and Building Memories // Viewpoints: Visual Anthropologists at Work. Austin: Uni. of Texas Press, 2021. P. 97–117. DOI 10.7560/706712-009
- Hardouin C.** Traditions et superstitions siamoises. Contes et légendes // Revue des traditions populaires, 1890, t. 5, № 12. P. 697–708.
- Lang A.** Olive Fairy Book. Philadelphia: David McKay, 1965. 236 p.
- Ma Y. W.** Fact and Fantasy in T'ang Tales // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews. 1980. No. 2.2. P. 167–181. DOI 10.2307/823525
- McCulloch W.** Bengali Household Tales. London: Hodder & Stoughton, 1912. 338 p.
- Бо Синцзянь.** Сань мэн цзи [白行簡。三夢記]. Записки о трех снах // Тан Сун чуаньци пинь-ду цыдянь. Пекин: Синь шицзе, 2007. Т. 1. С. 358–363. (на кит. яз.)
- Ли Пэнфэй.** Тан дай фэй се ши сяошо чжи лэйсин яньцзю [李鵬飛。唐代非寫實小說之類型研究]. Типологические исследования нереалистических сяошо эпохи Тан. Пекин: Бэй-цзин дасюэ, 2004. 395 с. (на кит. яз.)
- Ли Фан** (и др., сост.). Тайпин гуан цзи [李昉。太平廣記]. Обширные записки годов Тайпин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006. 4106 с. (на кит. яз.)
- Окада Мицухиро.** Тан дай сяошо «Баньцяо сань нянцзы» као [岡田充博。唐代小説“板橋三娘子”考]. Исследование танского рассказа «Третья хозяйка с моста Баньцяо». Пер. на кит. Чжан Хуа. Сиань: Сибэй дасюэ, 2019. 346 с. (на кит. яз.)
- Пу Сунлин.** Ляо чжай чжи и хуэйцзяо хуэйчжу хуэйпин бэнь. Чжан Юхэ бянь цзяо [蒲松齡。聊齋誌異會校會注會評本。張友鶴輯校]. Повести о странном из Досужего кабинета. С собранием текстологических замечаний, коммент. и крит. суждений. Ред. и сост. Чжан Юхэ. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2011. 1733 с. (на кит. яз.)
- Фэн Мэнлун.** Син ши хэн янь [馮夢龍。醒世恆言]. Слово вечное, мир пробуждающее. Хайкоу: Хайнань чубаньшэ, 1993. 902 с. (на кит. яз.)
- Хуан Дунъян.** Тан жэнь сяошо со фаньин чжи хунь по и [黃東陽。唐人小説所反映之魂魄義]. Смысл понятий «хунь» и «по» в танских сяошо // Синь шицзи цзунцзяо яньцзю. 2007. № 5.4. С. 1–30. (на кит. яз.)
- Цзи Сяньлинь.** Вэнь цзи: чжун инь вэньхуа гуаньси. Ди сы цзюань [季羨林。文集: 中印文化關係。第四卷]. Собрание сочинений Цзи Сяньлиня: том 4. Отношения Китая и Индии в области культуры. Наньчан: Цзянси цзяоюй, 1996. 535 с. (на кит. яз.)
- Чжу Исюань.** Ляо чжай чжи и цзыляо хуэйбянь [朱一玄。聊齋志異資料匯編]. Сборник материалов по «Ляо чжай чжи и». Тяньцзинь: Нанькай дасюэ, 2002. 599 с. (на кит. яз.)

References

Abeghyan M. Kh. Der armenische Volksglaube. Leipzig, Druck von W. Drugulin, 1899, 138 S.

- Alimov I. A.** Zapisi o sokrovennykh chudesakh: Kratkaia istoriia kitaiskoi prozy siaoshuo VII–X vv. [The Notes of Innermost Miracles: A Concise History of the 7th – 10th Centuries Chinese Xiaoshuo Prose]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017, 840 p. (in Russ.)
- Allen S. M.** Shifting Stories: History, Gossip, and Lore in Narratives from Tang Dynasty China. Cambridge, MA, London, Harvard University Asia Centre, 2014, 311 p.
- Bai Xingjian.** Tri sna [Three Dreams]. In: Tanskiye novelly [Tang Short Stories]. Moscow, Goslitizdat, 1960, pp. 146–149. (in Russ.)
- Bai Xingjian.** San meng ji [白行簡。三夢記]. Accounts of Three Dreams. In: Tang Song chuanqi pindu cidian. Beijing, Xin shijie, 2007, vol. 1, pp. 358–363. (in Chin.)
- Bubandt N.** Ghosts with Trauma: Global Imaginaries and the Politics of Post-Conflict Memory. In: Conflict, Violence, and Displacement in Indonesia. Ithaca, Cornell Uni. Press, 2008, pp. 275–301. DOI 10.7591/9781501719233-012
- Feng Menglong.** Xing shi heng yan [馮夢龍。醒世恆言]. Eternal Stories to Awaken the World. Haikou, Hainan chubanshe, 1993, 902 p. (in Chin.)
- Flowerday J. M.** Blasting a Boulder and Building Memories. In: Viewpoints: Visual Anthropologists at Work. Austin, Uni. of Texas Press, 2021, pp. 97–117. DOI 10.7560/706712-009
- Gan Bao.** Zapiski o poiskakh dukhov [In Search of the Supernatural]. Transl, intr. and comment. by L. N. Menshikov. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1994, 576 p. (in Russ.)
- Hardouin C.** Traditions et superstitions siamoises. Contes et legends. *Revue des traditions populaires*, 1890, t. 5, no. 12, pp. 697–708.
- Huang Dongyang.** Tangren xiaoshuo suo fanying zhi hun po yi [黃東陽。唐人小說所反映之魂魄義]. The Concept of “Soul and Form” as Reflected in the Tang Novels. *Xin shiji zongjia yanjiu*, 2007, no. 5.4, pp. 1–30. (in Chin.)
- Ji Xianlin.** Wen ji: Zhong yin wenhua guanxi. Di si juan [季羨林。文集: 中印文化關係. 第四卷]. Compiled works of Ji Xianlin: vol. 4. Sino-Indian Cultural Relations. Nanchang, Jiangxi jiaoyu, 1996, 535 p. (in Chin.)
- Lang A.** Olive Fairy Book. Philadelphia, David McKay, 1965, 236 p.
- Li Fang** (et al., comp.). Taiping guang ji [李昉。太平廣記]. Extensive Records of the Taiping Era. Beijing, Zhonghua shuju, 2006. 4106 p. (in Chin.)
- Li Pengfei.** Tang dai fei xie shi xiaoshuo zhi leixing yanjiu [李鵬飛。唐代非寫實小說之類型研究]. A Typological Study of Non-realistic Novels during Tang Era. Beijing, Beijing daxue, 2004, 395 p. (in Chin.)
- Ma Y. W.** Fact and Fantasy in T'ang Tales. *Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews*, 1980, no. 2.2, pp. 167–181. DOI 10.2307/823525
- McCulloch W.** Bengali Household Tales. London, Hodder & Stoughton, 1912, 338 p.
- Okada Mitsuhiro.** Tang dai xiaoshuo “Banqiao san niangzi” kao [岡田充博。唐代小說“板橋三娘子”考]. Research of the Tang tale “Third Lady of Banqiao Bridge”. Transl. by Zhang. Hua. Xian, Xibei daxue chubanshe, 2019, 346 p. (in Chin.)
- Petrosyan A. E.** Armyanskie dukhi Kadzhi: obraz i nazvanie [Armenian Demons Called Kaj: Image and Name]. *Voprosy onomastiki*, 2018, no. 15 (1), pp. 51–64. (in Russ.) DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.1.003
- Pu Songling.** Liaozhai Zhi Yi huijiao huizhu huiping ben [蒲松齡。聊齋誌異會校會注會評本。張友鶴輯校]. Chronicle of the Strange from Liaozhai Studio: with compiled text-critical notes, annotations and commentaries. Comp., ed. by Zhang Youhe. Shanghai, Shanghai guji, 2011, 1733 p. (in Chin.)
- Rakhno K. Yu.** Dukh yin v nogayskoy demonologii i ego paralleli [The Spirit Iin in Nogai Demonology and Its Parallels]. In: Nogaytsy: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kultura. Cherkessk, KChSU Press, 2016, pp. 378–384. (in Russ.)
- Starostina A. B.** Nochnye polety zheny sekretarya [Night Flights of the Secretary's Wife]. *Zhivaya starina*, 2021, no. 1 (109), pp. 9–12. (in Russ.)

- Sukhareva O. A.** Perezhitki demonologii i shamanstva u ravninnykh tadjikov [Vestiges of Demonology and Shamanism among the Lowland Tajiks]. In: Domusul'manskie verovaniia i obryady v Srednei Azii. Moscow, Nauka, 1975, pp. 5–93. (in Russ.)
- Zhu Yixuan.** Liao zhai zhi yi ziliao huibian [朱一玄。聊齋志異資料匯編]. Source Materials of Liaozhai Zhi Yi. Tianjin, Nankai daxue chubanshe, 2002, 599 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Аглая Борисовна Старостина, кандидат философских наук
Scopus Author ID 57224807594
WoS Researcher ID S-7377-2018
RSCI Author ID 335920
SPIN 5518-8607

Information about the Author

Aglaia B. Starostina, Candidate of Sciences (Philosophy)
Scopus Author ID 57224807594
WoS Researcher ID S-7377-2018
RSCI Author ID 335920
SPIN 5518-8607

*Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 31.01.2023
The article was submitted on 11.01.2023;
approved after review on 23.01.2023; accepted for publication on 31.01.2023*